

**Муниципальное бюджетное образовательное учреждение
«Уренская средняя общеобразовательная школа №2»
Уренского муниципального района Нижегородской области**

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ РАБОТА

**Российское общество
после
Великой Отечественной войны:
голод и преступность.**

Работу выполнила:

обучающаяся 9 «Б» класса

Смирнова Юлия Андреевна.

Руководитель: учитель истории Гусева А.Н.

Урень – 2015.

Оглавление

Введение.....	3
§1. Голод в России 1946-1947 годов.....	6
§2. Преступность в советском послевоенном обществе: цифры и факты....	15
Заключение.....	22
Библиография.....	23

Введение

Великая Отечественная война привела к огромным людским потерям и небывалым разрушениям, вызванным военными действиями и оккупацией. Да, победа была получена слишком высокой ценой. В послевоенное время люди ждали чего – то нового, лучшего, беззаботного. Было ли так на самом деле? Вот строки из стихотворения Б. Слуцкого:

Конец сороковых годов

Был весь какой – то смутный, смятый.

Его я вспомнить не готов...

В том веке я не помню всех.

Но вся эпоха в слове «плохо».

В послевоенное время все сферы хозяйственной жизни находились в глубочайшем упадке. Но в особенно тяжёлом положении оказалось сельское хозяйство. Вследствие мобилизаций на фронт и в промышленность сильно поредело население деревни. Число трудоспособных мужчин уменьшилось к 1946 году по сравнению с 1940 годом в 2 раза. Техническое оснащение сельскохозяйственного производства значительно уступало предвоенному уровню. Нехватка конного тягла стала причиной использования в упряжке коров, порой приходилось впрягаться и людям.

Засуха в 1946 году в зерновых районах России, Украины, Молдавии привела к тому, что в целом по стране собирали зерна с гектара меньше, чем в последний военный год. В создавшейся обстановке правительство использовало засуху для применения жёстких методов продразвёрстки, заставив колхозы и совхозы сдать государству 52 % урожая, т.е. больше, чем

в годы войны. Решив максимально сохранить накопленное, правительство сняло с карточного снабжения 28 млн. рабочих и членов их семей, живших в сельской местности. С ноября 1946 –го по август 1947 года в большинстве областей Чернозёмной полосы свирепствовал голод, и люди не были от него защищены.

Данная тема в исторической науке не принадлежит к числу хорошо изученных, мало того, подробных материалов по изучению голода 1946-1947 гг. по России нет. Этот факт и обуславливает актуальность настоящего исследования.

Конечно же, большой интерес для нас представляет ещё и то, захватили ли голод 1946 года Горьковскую область, в каких масштабах.

Целью исследования является – выявить причины и последствия голода в России 1946-1947 гг. и рассмотреть, как одно из последствий, разразившуюся в стране преступность.

Выше уже было отмечено об отсутствии источниковой базы и литературы, в которой бы данная проблема была отражена наиболее подробно. Однако в 1996 году вышла монография «Голод в СССР 1946 – 1947 годов: Происхождение и последствия», которая принадлежит перу Вениамина Фёдоровича Зимы – доктору исторических наук, ведущему научному сотруднику Института российской истории РАН. Поскольку подтвердить и ли опровергнуть источники, на которые автор ссылается в своей работе мы не можем из-за секретности некоторых из них и по причине из недоступности для нас, как источник нашего исследования, мы рассмотрим данную монографию.

Итак, выделим задачи исследования:

1. Рассмотреть содержание монографии «Голод в СССР 1946-1947 годов» и выявить причины, последствия и содержание деятельности государственной власти в сложившейся ситуации.
2. Рассмотреть иные статьи автора и другие источники и рассмотреть уровень преступности данного периода как главное последствие голода 1946 – 1947 гг.

§1. Голод в России 1946 – 1947 гг.

Разразившийся в стране в 1946 – 1947 гг. голод захватил многие области Нечерноземья, Москву, Ленинград, Минск, Свердловск, Новосибирск и другие крупнейшие административные центры.

Первая послевоенная сельскохозяйственная кампания доказала несостоятельность потребительского подхода к деревне как к бездонному источнику людских и материальных средств. Погоня за расширением посевных площадей привела к тому, что осенью низкий урожай зерновых не смогли убрать в срок. Уборка хлебов затянулась так, что заготовки оказались под угрозой срыва. На уборку зерновых в Поволжье, на Урал, в Сибирь направили 45 тыс. солдат. Но было поздно, и немалая часть урожая ушла под снег. Для того, чтобы выполнить государственный план, в колхозах и совхозах изъяли семенное и продовольственное зерно, включая предназначенное к выдаче по трудодням. Государственное накопление зерна приводило к сокращению и без того скудного рыночного фонда хлеба, предназначенного населению. В Москве и Ленинграде при производстве муки для хлебопечения в целях экономии добавляли 40% примеси овса и ячменя. В других городах качество хлеба было ещё хуже.

В сентябре 1946 года были повышены в 2 – 2,5 раза розничные цены на хлеб и другие продовольственные, а заодно на промышленные товары, распределявшиеся по карточкам. С помощью карточной системы огромную массу сельских жителей изолировали от государственной торговли. Председателям и секретарям сельсоветов колхозов запрещалось выдавать справки и документы людям для поездки в города с целью покупки

продовольствия. Единственным местом, где сельчане могли купить или обменять что-либо на хлеб, по праву считались колхозные рынки.

Итак, политика продразвёрстки, применённая к колхозам и совхозам, дала возможность государству собрать достаточное количество продовольствия для нормированного снабжения населения городов и обеспечить пополнение резервов, но тем самым она обрекла на массовый голод жителей деревни.

На страницах газет тех лет писали о том, что «без серьёзных жертв невозможно ликвидировать тяжёлое наследие войны», сообщалось о засухе, недороде, но ни слова о голоде.

В медицинских учебных разработках за 1946 – 1947 гг. настоящая причина роста смертности – голод – скрывалась за такими диагнозами, как желудочно – кишечные заболевания, септическая ангина. Из «закрытых» донесений правительству видно, что весной 1946 года заболевания дистрофией распространились на территории России, охватив многие районы Горьковской, Костромской, Новгородской, Псковской и др. Голод вызывал массовые заболевания населения дистрофией. Вот статистика больных: Ульяновская область- 104,6 тыс.человек, Тамбовская – 67,5 тыс.человек. По данным министерства здравоохранения РСФСР, в апреле 1947 г. Зарегистрировано 372, 3 тыс.больных дистрофией, в мае того же года их численность возросла до 507, 7 тыс., из них 507 человек умерли.

В декабре 1946 года отмечены массовые заболевания дистрофией среди семей железнодорожников. По неполным данным, к концу года на 16 железных дорогах страны насчитывалось более 11 тыс.больных дистрофией. Некоторые рабочие в виду истощения не могли выходить на работу, часть детей не посещала школу, зарегистрированы случаи смерти от голода. Многие железнодорожники увольнялись, переходили на другие участки, чтобы получать больше хлеба по карточкам. В этой связи характерно

заявление на имя начальника 1-й дистанции службы пути Казанской железной дороги рабочего Г.Ф.Гладеева: «Прошу...войти в моё положение...рабочая карточка, 650 г. На 7 человек, нас не обеспечивает. Другой месяц моё семейство картофеля не видит. Прошу дать мне разрешение перейти на 2-й околоток в рабочие, хоть на время, если можно, то поскорее...»

Голод коснулся и крупных промышленных центров с гарантированным карточным обеспечением продовольствия: Москвы, Ленинграда, Сталинграда и др. В феврале 1947 года по Сталинграду зарегистрировано 998 взрослых больных и 1370 детей, из них 700 с дистрофией II степени. В марте того же года на отдельных предприятиях Ленинграда при медицинском осмотре рабочих установлено, что заболеваемость дистрофией превышала 30 %. В начале лета голодная волна докатилась до Москвы. С перебоями отоваривались хлебные карточки, в городе иссякли запасы картофеля и овощей. Положение было настолько опасным, что под угрозой срыва оказалась работа предприятий и строительных трестов Министерства авиационной промышленности, а так же Министерства вооружения СССР.

Голодные люди собирали перезимовавшее на полях зерно, содержащее токсические вещества, и использовали его в пищу. Начались массовые отравления, нередко приводившие к смертельному исходу, так как многим больным не оказывалась во время медицинская помощь. В апреле 1947 года в Горьковской области было учтено 5 тысяч таких больных.

С тех пор прошло достаточно времени, а люди не могут забыть того, что творилось. Вот, что написала в апреле 1989 года в редакцию газеты «Сельская жизнь» пенсионерка М.И.Евдокимова, трудившаяся тогда в колхозе «Заветы Ильича» села Чуфарово Сергачского района Горьковской области: «Кончилась война, а в наши семьи ещё больше пришла нищета. Люди обессилели от работы, голода, холода. Не было сил вести борьбу со вшами, клопами, тараканами. Утюги грелись древесными углями, а дров – то

в помине не было. После зимы ходили в поле, собирали оставшуюся гнилую картошку, свёклу, лебеду, клевер, толкли картофельную ботву. Всё это ели. Молоко, мясо, яйца, шерсть сдавали государству».

Призрак большого голода 1946 года вызвал тревогу во многих неурожайных районах России. Началось бегство сельского населения из центральных областей (Воронежской, Горьковской, Ивановской), из Поволжья (Астраханской, Саратовской), а также из Ростовской области и Ставропольского края. Часто бежали целыми семьями, но преимущественно истощённые женщины с детьми. Поскольку пассажирские поезда и пароходы были переполнены, то ехали на товарных, любыми другими видами транспорта, а чаще пешком. Вынужденные поездки осложнялись тем, что города были закрыты для сельских жителей, а после войны сохранилось немало «режимных» местностей, куда без специального разрешения въезд был запрещён.

В первой половине 1947 года наблюдался значительный приток населения, не имеющего основания на прописку, в крупные промышленные и административные центры: Москву, Ленинград и др. По данным МВД, в 1947 году было отказано в прописке 468 тыс. человек. В том же году выявлено 1,5 млн. нарушителей паспортного режима. В 1947 году удалено из «режимных» местностей 0,5 млн. человек. Более всего было выдворено из Москвы (75,5 тыс. человек), Ленинграда (37,6 тыс.). Органы милиции столкнулись со значительным числом случаев, когда квартиросъёмщики, проживавшие в государственных, ведомственных и коммунальных домах, содержали на своей жилой площади граждан без паспортов и прописки.

Многотысячные потоки голодных, ослабленных людей, передвигавшихся по стране в поисках пропитания, стали благодатной средой для распространения epidemий. Действовавшая сеть лечебно – санитарных учреждений, переполненная дистрофиками, не получала самого необходимого обеспечения продуктами, мылом, лекарствами. И в деревне, и в городе

сказывался острый дефицит мыла, так как его производство в 1946 году составляло всего лишь треть предвоенного уровня 1940 года.

Чтобы примерно определить число погибших от голода, обратимся к источникам по естественному и механическому движению населения, записям актов гражданского состояния. Согласно данным, перед войной, в 1941 году, общая численность населения составляла 196 млн. человек, а после неё, в 1946 году – не более 170 млн. В России же из 110 млн. человек довоенного населения осталось 96 млн., т.е. убыль составила 14 млн. человек. В первом послевоенном году смертность значительно превышала рождаемость. В РФ особенно тяжёлое положение сложилось в Ленинградской, Курской, Ростовской, Омской областях. Не прекратился рост детской смертности. В СССР смертность детей в возрасте до 4-х лет увеличилась на 44%. В 1946 году численность детей, не доживших до 4-х лет, увеличилась по сравнению с 1945 годом на 65 тысяч. Чаще умирали мальчики. Отмечался высокий уровень смертности в 1947 г. Относительно 1946 г. В целом по Союзу в первом полугодии 1947 г. Смертность населения была более высокой, а в первом квартале число умерших превышало уровень того же периода 1940 г.: зарегистрировано умерших (тыс. человек) в 1940 г. – 704, в 1946 г. – 501, в 1947 г. – 724. Обобщённые сведения об умерших по возрасту и полу свидетельствуют, что в 1947 году в РСФСР умерло 1462,4 тыс. человек, т.е. на 402, 8 тыс. больше, чем в 1946 году. Из общего числа умерших 461 тыс. человек (31%) составляли дети до 4-х лет, из них 73% - в возрасте до года.

Меры правительства по улучшению положения в стране.

Непризнание факта голода в стране позволило правительству пренебрегать организацией необходимой продовольственной помощи населению. В Москву сообщили только тогда, когда массовое голодание населения не было возможности скрыть.

Государство почти бесплатно получало от колхозов и совхозов продовольствие, а помощь голодающим выдавалась в виде ссуды с процентами. Причём твёрдо соблюдалось правило: весной получи, а осенью отдай с процентами. Решение об оказании помощи больным дистрофией железнодорожникам готовилось правительством в течение месяца. В результате Сталин разрешил перебронировать резерв картофеля и овощей из урожая собственных подсобных хозяйств, не отбирать у путейцев хлебные карточки, но количество пайков урезал.

Самым эффективным мероприятием по предупреждению заболеваний в то время считался обмен населению перезимовавшего в поле зерна на доброкачественное. В организованные пункты обмена в 1947 году поступило от населения 9287 т. зерна, собранного зимой и весной руками голодных людей. Руководство Курской области сообщило 27 февраля 1947 года Сталину, Молотову, Маленкову и др. о тяжёлом продовольственном положении в колхозах и совхозах, о массовой дистрофии и смертных случаях от истощения. Просило выделить хлеба и ссуду колхозам в размере 2500 тыс. пудов, а также восстановить до 1 августа 1947 года ежемесячный отпуск 200 т ржи для продажи трактористам, комбайнёрам и др. Просьбу удовлетворили через 3 месяца - выдали 10 тыс. тонн зерна вместо 40 тыс. т. Летом, когда голод обострился, в воскресном номере «Правды» за 1 июня 1947 года опубликовали письмо курских колхозников и рабочих совхозов Сталину со словами благодарности: «Никогда не забудем мы, т. Сталин, Ваших забот о курских колхозниках. Вы прошлым летом дали нам продовольствие... Вы в том году снабдили нас семенами. Вы и сейчас оказываете нашей области большую разностороннюю помощь». По данным Минздрава России, на 1 июня того же года в области зарегистрировано 85 тыс. больных дистрофией. Во второй половине марта 1947 года, когда голод захватил половину территории России, Совмин РСФСР направил правительству план медицинской и продовольственной помощи больным

дистрофией. Намечалось в 13 областях и автономных республиках открыть временные стационары на 75,5 тыс.коек и организовать лечение на дому 28 тыс. больных сельской местности. Союзное правительство план помощи селу даже не рассматривало, нередко бывали и категорические отказы. Иногда после отказа Министерства заготовок самые настойчивые запросы удовлетворялись Сталиным лично. Однако на местах не смогли по-хозяйски распорядиться полученной помощью. Распределение производилось медленно и бесконтрольно, с нарушением законности. В некоторых областях России государственная зерновая ссуда, предназначенная для спасения голодающих, использовалась для выполнения плана обязательных поставок зерна.

Советский Союз получал гуманитарную помощь из-за рубежа. В течение 1946 года Администрация помощи и восстановления Объединённых Наций, созданная в 1943 году для оказания помощи жертвам войны, выполнила заявку на поставку товаров. В поставки входили продукты питания, семена, сырьё для мыловарения, промтовары, промышленное и медицинское оборудование. Собрав достаточное количество хлеба для обеспечения населения, правительство израсходовало на помощь голодающим не более половины резерва, не трогая запасов.

После денежной реформы, сопровождавшей отмену карточек, цены на товары и заработная плата трудящихся снизилась в 10 раз, средний месячный заработок рабочего составлял 70 рублей, у колхозников – в 5-10 раз меньше. Такие продукты питания, как мясо, масло, сахар и др., сделались ещё более недоступными. В городах открыли дополнительно 16 тысяч магазинов, из них 12 тысяч хлебных, 1,5 тысячи ресторанов, столовых, чайных. Ввели нормы отпуска продовольственных и промышленных товаров в одни руки в городских и рабочих посёлках. Покупатель мог приобрести единовременно хлеба – не более 2кг, мяса – 1 кг, рыбы – 300 г, сала, маргарина – 300г, яиц – 5 шт, молока – 1 л, сахара – 500г. Дефицит продовольствия был огромный. За

хлебом, мукой приходилось выстаивать многочасовые очереди. В конце 1947 года в продажу поступило в несколько раз больше хлеба и других продуктов питания, чем в начале года. Но и этих товаров было крайне недостаточно, чтобы удовлетворить потребности горожан. Сельских жителей спасало только личное хозяйство.

Демографические потери от голода и эпидемий вызвали необратимые социально – экономические последствия в стране. Городское население, благодаря нормированному снабжению, легче пережило беду. За счёт притока из села рабочей силы, ужесточения трудовой дисциплины с трудом удалось избежать провала в промышленности.

Обстановка в сельском хозяйстве была удручающей. Значительная часть беженцев не вернулась в деревню. Те, кто пережил голод на месте, в большинстве были истощены и неработоспособны. Голод укрепил недоверие к колхозно – совхозному строю, вызвал враждебное отношение к государственным заготовителям, а в их лице к власти. Нехватка рабочих рук, техники, тягловой силы вследствие забоя и падежа скота привели к остановке сельскохозяйственного производства в районах бедствия.

Правительство применило устрашающие меры, чтобы заставить людей работать. В соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 года были проведены мероприятия по выселению лиц, уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве. Без суда и следствия в том же году в отдельные края на спецпоселения сроком до 8 лет выслали из колхозов и совхозов более 23 тыс. человек. Под угрозой суда и высылки выгоняли на колхозные поля всех способных двигаться – стариков, инвалидов, больных, детей начиная с 10-летнего возраста. Из архивных источников известен факт выселения матери четверых детей, награждённой орденом «Материнская слава» 3-й степени. Так под видом укрепления дисциплины были организованы репрессии против колхозников, рабочих совхозов и единоличников, которые сами жители деревни называли вторым

раскулачиванием. Важнейшей составной частью «второго раскулачивания» являлось и налоговое давление на крестьян. Послевоенная система налогообложения состояла из нескольких видов государственных и местных налогов. К государственным относились сельскохозяйственный и подоходный, а также налог на холостяков, одиноких и малосемейных граждан, налог на лошадей единоличных хозяйств. К местным налогам относились: налог со строений, налог с владельцев транспортных средств, налог со зрелищ.

§2. Преступность в советском послевоенном обществе: цифры и факты

Голод, охвативший всю страну в первые годы после войны, способствовал росту преступности. Обезумевшие люди ради собственного спасения и своих близких шли на воровство, грабеж, убийство. В создавшейся обстановке правительство вместо расширения помощи голодавшим усиливало карательные функции государства. Указы Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня того же года «Об уголовной ответственности за хищения государственного и общественного имущества» и «Об усилении охраны личной собственности граждан» превзошли по своей жестокости Закон от 7 августа 1932 г., прозванный в народе «законом о пяти колосках». В условиях голода эскалация уголовного законодательства обернулась не против настоящих преступников — крупных грабителей государственной и личной собственности, а против всего обездоленного люда, причинив ему много страданий.

Во второй половине 1946 г. Совет Министров СССР и ЦК ВКП(б) приняли два постановления по усилению охраны хлеба: от 27 июня — «О мерах по обеспечению сохранности хлеба, недопущению его разбазаривания, хищения и порчи» и от 25 октября — «Об обеспечении сохранности государственного хлеба».

По неполным данным, осенью 1946 г. было осуждено за хищение хлеба 53 369 человек, из них 36 670 человек (68, 7%) приговорены к лишению свободы, при этом по Закону от 7 августа 1932 г. осудили 1146 человек, в том числе 35 человек получили высшую меру наказания — расстрел.

Сокращение поступлений хлеба на внутренний рынок, необузданный рост цен весной 1947 г. привели к увеличению краж зерна, муки, печеного хлеба в городе и деревне. 4 июня 1947 г. Были изданы указы «Об усилении охраны личной собственности граждан» и «Об уголовной ответственности за хищения государственного и общественного имущества».

Кража, присвоение, растрата или иное хищение колхозного, кооперативного или другого общественного имущества караются заключением в исправительно-трудовом лагере (ИТЛ) на срок от пяти до восьми лет с конфискацией или без конфискации имущества. Далее пояснялось, что за повторное или групповое, или в крупных размерах хищение следует применять наказание от восьми до двадцати лет заключения с конфискацией имущества.

Минимальный срок лишения свободы за кражу, присвоение или растрату госимущества составлял от 7 до 10 лет, а повторное или совершенное организованной группой подобное преступление — до 25 лет исправительно-трудовых работ. По секретному распоряжению Совета Министров СССР действие указов от 4 июня 1947 г. было распространено и на мелкие кражи на производстве во изменение действовавшего указа от 10 августа 1940 г. «Об уголовной ответственности за мелкие кражи на производстве и хулиганство». Согласно этому распоряжению, рабочие и служащие приговаривались за мелкие кражи не к одному году лишения свободы, как было раньше, а к 7—10 годам.

«Закон о пяти колосках» заставлял руководство колхозов ловчить, изворачиваться, обманывать, чтобы хоть что-то оставить для людей и хозяйства. Многие председатели колхозов, директора совхозов, районные и областные руководители за утайку зерна и выдачу его на трудодни привлекались к суду.

Разбазариванием хлеба в колхозах считалась выдача зерна авансом в счет трудодней или на общественное питание до полного расчета с государством по обязательным поставкам, после чего оставались пустые амбары.

После принятия постановления ЦК ВКП(б) от 14 июня 1947 г. «О недопустимых фактах частой сменяемости и необоснованной отдачи под суд председателей колхозов» количество предаваемых суду председателей уменьшилось, сократились и сроки наказания. В первом полугодии 1946 г. в СССР было привлечено к суду 4490 председателей колхозов, а во втором полугодии — 8058; в 1947 г. соответственно — 4706 и 2269; в 1948 г. — 1760.

Заодно с председателями колхозов пострадал сельсоветский и колхозный актив: в первом полугодии 1946 г. всего по СССР осудили 2229 активистов, во втором — 4671; в первом полугодии 1947 г. — 3787 человек, а во втором — 1807, т. е. в два с лишним раза меньше, чем в первом.

Колхозники, пережившие голод 1932—1933 гг., хорошо понимали, что их ожидает после заготовок 1946 г. Чтобы дожить до нового урожая, многие люди, не получавшие ни грамма зерна на трудодни, вынуждены были красть его, используя каждый удобный случай.

Органы МВД, неспособные раскрыть крупные хищения хлеба, отыгрывались на мелких кражах, совершаемых женщинами и детьми.

Базковским отделом МВД Ростовской-на-Дону области 8 июля т. г. были арестованы колхозницы Крамскова и Шпырева, имевшие каждая по трое детей от 8 месяцев до 9 лет. Они вдвоем нарвали 2, 7 кг колосьев, за что получили по 8 лет ИТЛ.

В городах продавцы хлебных магазинов и рабочие хлебозаводов не голодали. Воровством занимались в основном в целях спекуляции, и в таких случаях деятельность правоохранительных органов была правомерна.

Испытывавшие острую нехватку продовольствия горожане шли грабить деревню, а сельчане, не дождавшиеся обещанной государственной помощи, отправлялись в города.

Среди осужденных в 1946—1947 гг. женщины с малолетними детьми, следовавшими вместе с ними по этапу, составляли около 50%.

Летом 1948 г. в ЦК ВКП(б) Жданову от Председателя Верховного Суда СССР Голякова поступил проект указа Президиума Верховного Совета СССР об освобождении от наказания осужденных беременных женщин и женщин, имевших при себе детей в местах заключения. Для проведения его в жизнь предусматривалось создание в исправительно-трудовых учреждениях специальных комиссий в составе председателя лагерного суда, прокурора места заключения и представителя администрации.

К проекту указа был приложен проект постановления пленума Верховного Суда СССР по данному вопросу. В нем отмечалось, что суды, определяя наказание по делам о преступлениях, караемых указами от 4 июня 1947 г., назначают в полном объеме наказание в отношении подсудимых беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей до четырех лет, совершивших единичное мелкое хищение в результате тяжелых семейных обстоятельств. Ввиду этого указывалось на правомерность применения условного или иного наказания, не связанного с лишением свободы.

Гулаг превращался в огромную камеру матери и ребенка. Опасность такого перерождения почувляли и его руководители. 1 февраля 1949 г. министр внутренних дел, министр юстиции, Генеральный прокурор и Председатель Верховного Суда СССР обратились с письмом к Сталину, в котором

сообщали о переполненности лагерей беременными и женщинами, имевшими при себе малолетних детей.

Коллективное обращение к вождю ускорило дело, и 22 апреля 1949 г. проект указа «Об освобождении от наказания осужденных беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей» был утвержден Президиумом Верховного Совета СССР.

Одной из самых болевых проблем, вызванных голодом, был рост преступлений, совершаемых бездомными и беспризорными детьми, среди которых было много сирот.

СССР было принято постановление № 857 от 7 апреля об улучшении работы по устройству детей и подростков, оставшихся без родителей. Постановление обязывало Министерство трудовых резервов организовать до 1 июня 1947 г.

Чтобы освободить места в детдомах, детприемниках и колониях для новых поступлений, подростков 13—16 лет направляли в ремесленные училища и школы ФЗО, а чаще просто на любую работу. При большом потоке детей отбор их для устройства на работу и учебу проводили наспех, без ознакомления с их биографиями. При этом нередко на работу или учебу попадали ранее судимые подростки. Некоторые из них вскоре совершали тяжкие преступления.

Беспризорники, совершая мелкие хищения, быстро переходили в разряд малолетних правонарушителей.

Вот типичное для того времени преступление. Пятнадцатилетняя ученица 8-го класса женской школы Вахрина, рассматривая альбом с фотографиями в квартире своей подруги, обнаружила в нем две хлебные карточки и украла их. В тот же день, продав карточки на рынке за 100 руб., она купила 500 г хлеба, мороженое, несколько штук конфет и сразу все съела.

Из дела явствовало, что за неделю до кражи у девочки умер от чахотки отец, оставив семью из 8 человек, в которой работала только старшая сестра. Вызванная московским прокурором из школы классная руководительница дала хорошую характеристику школьнице, указав, что последняя страдала пороком сердца и фурункулезом на почве истощения. Под влиянием проверяющего и по просьбе местного прокурора суд вынес условное наказание.

Кампания борьбы с преступностью несовершеннолетних наносила огромный вред обществу. Детей судили наравне со взрослыми.

Попыткой сократить приток подростков в исправительно-трудовые учреждения было постановление пленума Верховного Суда СССР от 17 февраля 1948 г. «О применении Указа от 4 июня 1947 г. в отношении несовершеннолетних». В нем разъяснялось, что дети от 12 до 16 лет — не закоренелые преступники, их действия не носят характера повышенной общественной опасности и не требуют применения суровых мер наказания, поскольку причиной воровства было якобы детское озорство и самоуправство. Причины материального плана, а тем более голод, не назывались .

Правительство, заботясь об укреплении охраны государственного хлеба, особое значение придавало ее вооружению. Министр заготовок СССР Б. А. Двинский 4 января 1947 г. сообщал заместителю председателя Совета Министров СССР Л. П. Берии, что военизированные и пожарно-сторожевые подразделения, охранявшие государственный хлеб, недостаточно обеспечены нарезным оружием и боеприпасами. Просил дать распоряжение Министерству вооруженных сил об отпуске трофейного оружия: 6 тыс. винтовок системы «Маузер» и 360 тыс. патронов к ним, 700 винтовок системы «Росса» с 42 тыс. патронов. Вскоре разрешение было получено .

Всего за уголовные преступления было осуждено в 1947 г. более 1,3 млн. человек. Из них до отмены смертной казни 26 мая 1947 г., т. е. за полгода, было расстреляно 1620 человек, что всего на 396 человек меньше, чем за весь 1946 г. Число осужденных на срок лишения свободы свыше 10 лет в 1947 г. по сравнению с 1946 г. увеличилось в 100 раз и составило 16 260 человек, а в 1948 г. возросло еще в 3,8 раза. Большую долю уголовных преступлений дали хищения государственного хлеба. К концу 1947 г. в тюрьмах и лагерях было примерно 80 тыс. человек, осужденных по Закону от 7 августа 1932 г., и 300 тыс. человек отбывало наказание по указам от 4 июня 1947 г.

В целом по СССР число хищений всякого рода имущества повысилось в 1947 г. относительно 1946 г. на 43,7%. Случаи бандитизма, разбоя и грабежа в 1947 г. были в 2 раза чаще, чем в предыдущем. 32,7% краж было совершено женщинами. В 1946—1947 гг. были осуждены за хищения и отбывали срок более 20 тыс. подростков до 16 лет. Среди расхитителей в 1947 г. коммунистов и комсомольцев было в 2 раза больше, чем в 1946 г. Так называемая уголовная преступность носила ярко выраженную социально-классовую окраску. По всем видам правонарушений доминировали самые низкооплачиваемые группы трудящихся — рабочие и колхозники.

Заключение

Таким образом, делая вывод, следует отметить, что голод в России 1946 – 1947 гг. был рукотворным, вызванным политикой правительства. Цель состояла в том, чтобы усмирить голодом народ, ждавший перемен к лучшему, и таким способом уйти от решения проблемы острого дефицита продовольствия в стране, списав все потери на засуху. Ценой узаконенного ограбления деревни, голодного и полуголодного существования всех трудящихся пополнились резервы продовольствия, увеличивался его экспорт, вырученные средства направлялись в военно – промышленный комплекс для укрепления мощи социалистического лагеря. Цена чудовищной послевоенной экспроприации – миллионы человеческих жизней, как преждевременно оборванных, так и не родившихся.

Голодом была спровоцирована огромная волна преступлений. Правительство, будучи не в силах противостоять этому бедствию, обрушило репрессии против совершивших мелкие кражи голодных людей. Сотни тысяч вдов, инвалидов и сирот населяли ГУЛаг, ставший для большинства из них «спасительным» местом от голода. Но если голод убивал физически, то лагерь калечил нравственно. Правовое закрепощение народа, проводившееся во время голода под видом борьбы с «уголовной» преступностью,

послужило, на мой взгляд, не укреплению, а разрушению государственности в послевоенные годы.

Библиография

1. Зима В.Ф. Голод в СССР 1946 – 1947 годов: Происхождение и последствия. М., 1996.
2. Он же. Голод в России 1946 – 1947 гг. М., 1993.
3. Он же. Аграрная политика конца 40-х – начала 50-х годов. М., 1994.
4. Он же. Послевоенное общество: голод и преступность. М., 1994.
5. Эллман М. Голод 1947 года в СССР // Экономическая история. Обзорение / Под ред. Л.И.Бородкина . Вып.10 М., 2005.